

DOI: 10.31857/S086919080014800-7

ВТОРАЯ ВОЛНА АРАБСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ ЗАШЛА В ТУПИК

© 2021

Н.Ю. СУРКОВ ^а^а – ИМЭМО РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7185-7990; nsurkov@imemo.ru

Резюме: В данной статье анализируются особенности второй волны массовых протестов в арабском мире, которую также иногда называют Арабской весной 2.0. На примере трех стран (Алжира, Ирака, Судана) предпринимается попытка выявить факторы, от которых зависит успех/неуспех так называемых народных революций. Автор рассматривает роль следующих факторов: позиция военных, состояние и уровень активности гражданского общества, поведение элит, воздействие внешних сил. Разбор кейсов Алжира и Ирака позволил установить, что в условиях нового витка протестов в арабских странах часто наблюдается неспособность гражданского общества к необходимой самоорганизации, что при пассивности внешних сил приводит к «мертворожденным» революциям. В Алжире массовые многомесячные протесты обернулись лишь косметическими изменениями, поскольку оппозиция не сформулировала позитивную программу и не выдвинула из своей среды лидеров, способных вести переговоры со старой элитой. В Ираке тоже отсутствует необходимая для успешной смены власти контрэлита, протестующая молодежь не имеет общего видения будущего страны, власти активно применяют насилие, а внешние игроки пассивны или поддерживают правительство. Сочетание факторов делает политический транзит в Ираке маловероятным, но там сохраняются условия для перманентной «революционной ситуации». Кейс Судана – это пример успеха народной революции. Он продемонстрировал, что хорошо организованное гражданское общество при активной внешней поддержке способно добиться смены режима. Однако процесс демократического транзита в этой стране оказался под угрозой из-за неспособности новых лидеров взять под контроль силовиков, обеспечить проведение необходимых реформ и создать новые эффективные институты. Автор приходит к выводу о том, что в большинстве арабских государств пока нет сил, способных конкурировать с авторитарными режимами, поскольку для их появления требуются время и ресурсы. Следовательно, процесс трансформации стран региона растянется на 30–40 лет, а в настоящее время наблюдается лишь его начальная фаза.

Ключевые слова: Арабская весна, демократизация, Алжир, Ирак, Судан, протесты.

Для цитирования: Сурков Н.Ю. Вторая волна арабских революций зашла в тупик. Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 29–42. DOI: 10.31857/S086919080014800-7

THE SECOND WAVE OF ARAB REVOLUTIONS REACHED AN IMPASSE

© 2021

Nikolay Y. SURKOV ^а^а – IMEMO RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7185-7990; nsurkov@imemo.ru

Abstract: *This article deals with the distinctive features of the second wave of mass protests in the Arab world, which is also sometimes called the Arab Spring 2.0. By analyzing the experience of three countries (Algeria, Iraq, Sudan) the author attempts to identify the factors which determine the success or failure of the popular revolutions. The author examines the role of the following factors: the position of the military, the level of activity of civil society, the behavior of the elites, the impact of external forces. The cases of Algeria and Iraq demonstrate that the inability of civil society to self-organize and the passivity of external forces lead to the so-called “stillborn” revolutions. In Algeria, protests led to only cosmetic changes, since the opposition did not formulate a positive program and did not nominate leaders to negotiate with the old elite. Iraq also lacks the counter-elite necessary for a transition, protesting youth do not have a common vision of the country’s future, the authorities actively use violence, and external players are passive or support the government. The Sudanese case is an example of a successful popular revolution. It demonstrated that a well-organized civil society, with active external support, can initiate regime change. However, transition in this country is threatened due to the inability of the new leaders to reign in the security forces, implement the reforms and create new institutions. The author comes to the conclusion that in the majority of Arab states there are still no forces capable of competing with authoritarian regimes, because their emergence takes time and resources.*

Keywords: Arab Spring, democratization, Algeria, Iraq, Sudan, protests.

For citation: Surkov N.Y. The Second Wave of Arab Revolutions Reached an Impasse. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 29–42. DOI: 10.31857/S086919080014800-7

Пандемия коронавируса отодвинула на второй план новостной повестки массовые социальные протесты в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки. Однако причины для массового недовольства, спровоцировавшие революционный всплеск 2011 г., никуда не исчезли, и с 2019 г. наблюдатели заговорили о второй волне так называемой Арабской весны. Правительства большинства арабских стран не использовали возникшую паузу, чтобы провести необходимые политические и структурные экономические реформы. В результате за время, прошедшее с 2011 г., социально-экономические проблемы региона (бедность, безработица, неэффективное использование государственных средств) только усугубились [Мельянцев, 2020, с. 211]. Причем в 2019 г. кризис затронул и некоторые нефтедобывающие страны (Алжир, Ирак). Из-за продолжающегося снижения уровня жизни страх населения перед возможным хаосом ослабевает, что сильно отражается на внутривнутриполитической ситуации. В перспективе Арабская весна 2.0 может охватить от четырех до шести стран: в Алжире, Ираке, Ливане, Судане протесты уже начались, а в Иордании и Египте ситуация балансирует на грани. В этой связи представляется актуальным разобраться в особенностях второй протестной волны и понять, какие факторы определяют результат массовых выступлений.

Данная работа построена на разборе трех кейсов – Алжира, Ирака и Судана. Эти страны относительно безболезненно пережили события 2011 г. Кроме того, кейсы Алжира и Ирака интересны тем, что для обеих стран важна нефтяная рента. Судан, в свою очередь, служит примером страны, где антирежимные протесты достигли цели. При анализе используется описанный в предыдущих работах автора подход, в рамках которого рассматриваются четыре основных фактора успеха/неуспеха народных революций: позиция силовиков, состояние гражданского общества, поведение элит, воздействие внешних сил [Сурков, 2019].

Следует отметить, что вторая волна внутренней нестабильности и социальных протестов в арабском мире как некое явление регионального масштаба еще не получила большого

освещения в научных публикациях российских авторов. Вместе с тем К.М. Труевцев в своей статье указал на характерные особенности нового всплеска протестной активности: неприятие политической элиты, косметических реформ и исламизма [Труевцев, 2020, с. 104]. Не очень много русскоязычных публикаций и по конкретным странам. Так, анализу современной ситуации в Алжире посвящены монография С.Э. Бабкина, статьи В.А. Кузнецова, Н.А. Жерлицыной, М.А. Володиной, впрочем, последние два автора пишут больше о причинах кризиса, а не о его последствиях. Об особенностях политического развития Ирака и причинах активизации протестного движения писали Р.Ш. Мамедов и П.А. Шишлин. При этом автору не удалось обнаружить русскоязычных научных публикаций, в которых бы обстоятельно анализировалась народная революция в Судане. Последнее не является основной целью данной статьи, но отчасти определяет ее научную новизну.

ОСОБЕННОСТИ НОВОГО ВИТКА АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Для нового витка протестной активности характерно то, что протестующие учли ошибки предыдущей революционной волны. Они не просто добиваются отставки авторитарных лидеров, а ставят более масштабные цели – отстранение от власти прежних элит и полное обновление политических систем. Демонстранты больше не доверяют традиционным оппозиционным партиям, поскольку те либо сотрудничают с режимами, либо с высокой вероятностью попытаются узурпировать власть, «украсть революцию», как это сделали исламисты «Братья-мусульмане» в Египте после свержения Хосни Мубарака в 2011 г. В новых протестах основную роль играет гражданское общество – профсоюзы, молодежные организации, которые становятся организующей силой.

Протесты второй волны в основном носят подчеркнуто мирный характер. Люди не хотят гражданских войн, повторения ливийского или сирийского сценария. Даже в случае применения насилия со стороны властей, как в Ираке или Судане, демонстранты стараются проявлять сдержанность. Протестующие также старательно избегают религиозных лозунгов, справедливо опасаясь конфессиональных конфликтов, и не допускают в свои ряды исламистов. В этой связи можно надеяться, что Арабская весна 2.0 уже не станет шансом для исламистских партий.

Еще одной характерной особенностью второй протестной волны в арабском мире является нежелание военных участвовать в подавлении народных выступлений. В частности, в Алжире значительная часть армии, особенно молодые офицеры, поддерживали демонстрантов в ходе протестов 2019 г. В Ираке часть силовиков тоже сочувствовала протестующей молодежи и в ряде случаев полицейские даже защищали демонстрантов от проиранских вооруженных формирований, задействованных для разгона. Это, с одной стороны, мешает правительствам использовать тактику репрессий и «утопить в крови» протесты (отсюда их затяжной характер), а с другой – создает угрозу раскола не только в обществе, но и в вооруженных силах, что чревато новыми гражданскими войнами в регионе.

Для второй волны характерно то, что протестные движения не могут добиться институализации и обеспечить выработку позитивной повестки (конкретных программ преобразований). В результате образуется опасный вакуум: старые режимы переживают кризис и постепенно теряют контроль над ситуацией, а новые не могут сформироваться. Такое развитие событий способно привести к хаосу. Более-менее прочные режимы не спешат с силовыми контрмерами (которые, как отмечалось выше, чреваты недовольством армии), а занимают выжидательную позицию, рассчитывая, что протестные движения не сумеют самоорганизоваться и сами собой пойдут на спад. Страны оказываются в

состоянии политической неопределенности, что может еще больше усугубить социально-экономические кризисы.

Впрочем, в рамках второй протестной волны наблюдаются и позитивные моменты. Как представляется, страны региона и западные державы сделали определенные выводы по итогам событий 2011 г. и последовавших за ними конфликтов. Они, как правило, не спешат поддерживать в охваченных протестами странах оппозиционные движения или вооруженные группировки, чтобы не спровоцировать коллапс и без того хрупкой государственности. Это дает осторожную надежду, что удастся избежать новых гражданских войн.

Чтобы лучше разобраться в особенностях второй волны арабской демократизации, целесообразно обратиться к конкретным примерам и проанализировать, как протестная активность развивается в отдельных странах региона.

АЛЖИР: ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУПИКЕ

Наиболее интересным кейсом из числа доступных для изучения является Алжир. Эта страна Северной Африки относительно благополучно пережила Арабскую весну 2011 г., несмотря на имевшие место вспышки протестной активности. Однако дальнейшие события показали, что речь шла о своего рода «отложенной» революции.

Начавшиеся в 2019 г. в Алжире массовые протесты против переизбрания на очередной президентский срок престарелого и фактически недееспособного Абдельазиза Бутефлики стали результатом напряжения, которое копилось в обществе еще с 2009 г. Социальная стабильность страны десятилетиями базировалась на нефтяной ренте и революционной легитимности режима [Жерлицына, 2019, с. 21]. Однако к 2019 г. в Алжире наблюдались одновременно и кризис легитимности власти, и финансовая нестабильность.

В случае Алжира под революционной легитимностью понимается позиционирование руководителей страны как борцов за независимость от Франции еще в 50–60-е гг XX в. Все президенты страны были хотя бы формально ветеранами освободительной борьбы, что в условиях XXI в. неизбежно привело к почти карикатурной геронтократии, в рамках которой тяжело больной президент становился марионеткой в руках коррумпированного окружения. Эти обстоятельства не способствовали популярности власти в глазах стремительно молодеющего общества [Жерлицына, 2019, с. 20].

На политические проблемы накладывались социально-экономические трудности. К 2020 г. только 26% граждан страны считали экономическую ситуацию в Алжире хорошей [Volk, 2021, p. 12]. Из-за быстрого роста населения и снижения мировых цен на нефть алжирскому государству в 2010-х гг. было все сложнее выполнять социальный контракт. По оценкам некоторых алжирских экономистов, стране нужна цена 90 долл. за баррель нефти, чтобы иметь комфортный бюджетный разрыв. Углеводороды обеспечивали около 90% экспортной выручки и 60% доходов госбюджета [Володина, 2019, с. 82]. Чтобы компенсировать падение мировых цен на энергоносители правительству пришлось тратить валютные резервы. В результате за период с 2014 по 2018 гг. они сократились со 178 млрд долл. (в декабре 2014 г.) до 90 млрд долл. (по состоянию на май 2018 г.), а к 2021 г., по прогнозам алжирского Министерства финансов, они должны упасть до 33,8 млрд долл. [Ghanmi, 2018].

Параллельно усугублялись другие экономические проблемы: быстро росли цены на все виды потребительских товаров; очень подорожала недвижимость, особенно в столице. Неэффективная система госсубсидий не решала социальных проблем, но оставалась бременем для бюджета. Попытки государственного регулирования цен приводили к тому, что в Алжире процветал черный рынок, в том числе валюты и продуктов питания. Наблюдатели

отмечали низкий уровень зарплат, даже в силовых ведомствах. Так, по свидетельствам наблюдателей, к 2019 г. в столице месячная зарплата рядового сотрудника полиции была приблизительно равна стоимости аренды малогабаритной квартиры. На этом фоне острое недовольство населения вызывала одержимость властей дорогостоящими «взяткоемкими» мегапроектами.

Одной из главных социальных проблем оставалась безработица, особенно среди молодежи. По состоянию на 2019 г., около трети молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет не имели работы [Володина, 2019, с. 82]. Для изменения ситуации в лучшую сторону было необходимо развитие производств, однако из-за политической неопределенности и коррупции иностранные инвесторы не спешили вкладывать средства в проекты в Алжире. По данным МВФ, после резкого провала в 2015 г. ежегодный приток прямых иностранных инвестиций постепенно падал, достигнув к 2019 г. 1,382 млрд долл. [Foreign direct investment, 2020]. Это стало еще одним поводом для недовольства. Социальные лифты не работали, поэтому образованная молодежь стремилась эмигрировать. В результате очень серьезной проблемой для Алжира стала «утечка мозгов» и нехватка квалифицированных кадров. Врачи и инженеры массово уезжали за границу, поэтому к 2019 г. не доставало специалистов даже для государственной нефтяной компании Sonatrach.

Население страны устало от несменяемости власти и институализированной коррупции, когда окружение главы государства превратилось в мафию, собирающую дань с бизнеса и разворовывающую бюджетные средства. По данным социологических опросов, подавляющее большинство граждан оценивало уровень коррупции в стране как «очень высокий». Триггером для резкого всплеска протестной активности в 2019 г. стала попытка организовать переизбрание А. Бутефлики на пятый президентский срок. На волне массовых уличных выступлений Бутефлика ушел в отставку, которую приветствовали свыше 90% населения страны [Grewal et al., 2019, p. 7]. Примечательно, что с уходом Бутефлики протесты не прекратились. Быстро выяснилось, что алжирцев перестал устраивать старый (установившийся после гражданской войны 1990-х годов) социальный контракт – стабильность в обмен на фактическую передачу власти в руки силовиков. Протестное движение, известное как Хирак, не удовлетворилось уходом с политической арены Бутефлики и связанных с ним лиц и стало добиваться перестройки всей политической системы. Согласно данным опросов, в 2019 г. 82% участников протестного движения ратовали за полную смену режима [Grewal et al., 2019, p. 7]. Главным лозунгом протестующей молодежи стал слоган: «Все они должны уйти!»

Как отмечалось выше, до последнего времени руководство Алжира составляли ветераны войны за независимость. Однако это уже очень пожилые люди, которые перешагнули 80-летний рубеж и стали физически не способны справляться со своими обязанностями. Для многих алжирцев физическое старение руководства страны стало символом упадка режима. Более того, против правящей верхушки выступили некоторые ветераны борьбы за независимость, заклеившие нынешних политиков как «примазавшихся» [Nickels, 2019].

После ухода с политической арены Бутефлики Хирак не прекратил борьбу и вступил в противостояние с генералитетом, который объединился с частью бюрократической элиты и фактически взял на себя управление страной. Креатурой генералитета стал 74-летний президент Абдельмаджид Теббун, который не снискал популярности в обществе. При этом алжирские наблюдатели отмечают, что молодые образованные армейские офицеры зачастую разделяют недовольство общества и негативно относятся к высшему военному руководству, считая его коррумпированным. По словам алжирских собеседников автора, многие офицеры и рядовой состав в апреле 2019 г. отказались «стрелять в народ». Именно поэтому генералам не удалось повторить сценарий 1988 г. и силой подавить протесты.

Оппозиция в лице Хирака не готова мириться с правлением военных, но даже спустя два года после начала протестов она так и не определилась с программой реформ. Ситуацию осложнил тот факт, что протестное движение намеренно не сотрудничало с политическими партиями, поскольку все они так или иначе связаны с режимом. Отмечался всплеск политической активности в вузах, где профессура выступала с проектами преобразований, однако это не привело к появлению внятной программы действий. Параллельно Хирак прилагал значительные усилия, чтобы не допускать в свои ряды исламистов и не давать властям поводов для репрессий.

Начавшаяся в марте 2020 г. пандемия коронавируса вынудила Хирак свернуть уличные протесты [Бабкин, 2020, с. 193]. На этом фоне 1 ноября 2020 г. в Алжире при рекордно низкой явке в 23,7% [France24, 2020] состоялся референдум по новой конституции, которая предполагает перераспределение властных полномочий в пользу премьер-министра и парламента. Представители правящей партии настаивали на том, что новая конституция отражает чаяния протестующих, а ее принятие приведет к восстановлению национального согласия [Daily Sabah, 2020]. Впрочем, сами оппозиционеры так не считали и заявили, что намерены добиваться смены политической элиты.

Чтобы понять перспективы демократического транзита в Алжире, следует проанализировать влияние следующих факторов – роль вооруженных сил, влияние элит, гражданского общества и внешних сил [Сурков, 2019].

В Алжире вооруженные силы являются одним из самых авторитетных государственных институтов. Влияние военных объясняется в первую очередь тем фактом, что независимость была достигнута в результате длительной антиколониальной борьбы, а в дальнейшем именно армия стала источником кадров для гражданских структур. Алжирские военные традиционно видели себя в роли «стражей революции» и гарантов внутривластной стабильности [Жерлицина, 2019, с. 21]. Имеются примеры их открытого вмешательства в политику в 1988 и 1992 гг. для подавления протестов и отстранения от власти исламистов, победивших на парламентских выборах.

Влияние армии неизбежно выросло в ходе гражданской войны 1992–1999 гг. Позже, в 2010-е гг., на политической арене появились и другие игроки – крупный бизнес и высшая бюрократия, недовольные опекой со стороны военных [Кузнецов, 2018, с. 16]. Тем не менее накануне Арабской весны 2011 г., по оценкам ряда западных наблюдателей, реальная власть в стране принадлежала 10–15 генералам, которые также контролировали ключевые сектора экономики, в том числе добычу нефти и газа [Philipp, Kimball, 2019]. По состоянию на осень 2020 г. алжирский генералитет не проявлял готовности идти на реальные уступки оппозиции и пытался де-факто сохранить власть, создав себе гражданский фасад за счет избрания главой государства Абдельмаджидом Теббуна.

Что касается гражданских элит, то после прихода к власти президент Теббун не тронул никого из высшей бюрократии – губернаторов провинций, послов, судей, министров и т.п. Среди алжирской политической элиты наблюдается определенное единение: олигархи, высшая бюрократия, лидеры политических партий и парламентарии – все сплотились против Хирака. Показательно, что власти проигнорировали требования Хирака о созыве Национального учредительного собрания для выработки новой конституции. Ситуацию усугубило то, что в Алжире нет оппозиционных партий и контролэлиты, которая в условиях массовых протестов могла бы вступить в переговоры с властями.

На фоне противодействия со стороны элит гражданское общество стало главной движущей силой демократизации. Хирак объединил несколько поколений алжирцев, а в стране возникло неподконтрольное властям политическое пространство. Протестующие не идут на сотрудничество ни с существующими партиями, ни с государственными профсоюзами,

ни с официальным духовенством. В протестном движении заметную роль играют независимые профсоюзы (госслужащих, студентов, безработных). К Хираку также присоединились местные правозащитники. Наблюдатели отмечают, что резко выросли масштабы политического участия, поскольку Хирак создал необходимые альтернативные механизмы. Впрочем, Хирак пока не может предложить людям механизмов транзита или четкую программу преобразований. Есть только механизмы протеста, а этого мало для успешного транзита.

Внешнее влияние на события в Алжире остается незначительным, несмотря на географическую близость страны к Европе и наличие там многочисленной алжирской диаспоры. Одной из причин такой пассивности может быть негативный опыт Арабской весны. Власти европейских государств, особенно юга Европы, опасаются, что масштабная дестабилизация в Алжире приведет к новым потокам нелегальных мигрантов, поэтому они не спешат поддерживать протестное движение. Страны Персидского залива, которые оказывали заметное влияние на события в Ливии и Сирии, теоретически могут обеспечить поддержку различным религиозным группировкам (местным салафитам или «Братьям-мусульманам»), однако эти силы фактически вытеснены из политики.

Разрешение текущего кризиса в Алжире возможно только на основе субстантивного диалога между военно-бюрократическим блоком и протестным движением. Тем не менее такому развитию событий препятствует ряд обстоятельств. Во-первых, генералитет и бюрократия ограничиваются косметическими реформами и не идут на переговоры в надежде, что протест постепенно «выгорит». Во-вторых, сам Хирак так и не сформулировал позитивную программу и не выдвинул из своей среды лидеров, способных вести переговоры. В-третьих, внешние силы пассивны – нет ни поддержки для оппозиции, ни давления на власти. Другими словами, по состоянию на весну 2021 г. протестное движение в Алжире зашло в тупик, поскольку не было условий, необходимых для успешного транзита. На этом фоне ситуация в экономике Алжира продолжала ухудшаться из-за пандемии коронавируса и дальнейшего снижения мировых цен на энергоносители. Следовательно, недовольство населения и ожесточение протестующих будут расти. Показательно, что уличные протесты в Алжире возобновились уже в марте 2021 г., когда немного улучшилась эпидемическая обстановка.

ИРАК: «МЕРТВОРОЖДЕННАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ

Ситуация в Ираке очень похожа на алжирскую, хотя и с поправкой на местную специфику. Протесты в этой стране начались осенью 2018 г. на волне недовольства населения обострением социально-экономического кризиса и неэффективной политикой правительства премьер-министра Аделя Абдул-Махди. В отличие от Алжира уже первая неделя выступлений в Ираке обернулась гибелью свыше ста человек.

Подавляющее большинство протестующих – люди моложе 30 лет, а в целом эта социальная группа составляет около 67% населения страны. По данным Всемирного банка, уровень безработицы среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет с 2017 г. не опускался ниже 25% [Unemployment, 2020]. В основном это выходцы из нижней страты среднего класса, которые не могут рассчитывать на хорошее образование и трудоустройство в госструктурах. Они не доверяют существующей политической системе и не верят в эффективность демократических механизмов. Для них уличный протест – наиболее эффективный способ быть услышанными.

У иракских властей, как и в Алжире, наблюдается кризис легитимности. В обществе отмечается сильное недовольство масштабной коррупцией и некомпетентностью властей. Основным аргумент протестующих – почему нефтедобывающая страна имеет такой низ-

кий уровень жизни. По оценкам наблюдателей, ежегодно Ирак тратит до 50 млрд долл., т.е. большую часть бюджета, на зарплаты и бонусы работникам раздутого госсектора [Loveluck, Salim, 2020]. Считается, что таким способом власти «покупают» лояльность хотя бы части населения. Однако те, кто оказался вне этой патронажной системы, пополняют ряды недовольных. Социально-экономический кризис ожидаемо обострился в условиях пандемии коронавируса и снижения цен на нефть на мировом рынке. По прогнозам Всемирного банка, по итогам 2020 г. нефтяной ВВП Ирака сократится на 12%, а ненефтяной – на 5%. Бюджетный дефицит в 2021–2022 гг. будет достигать 12% ВВП [Iraq Overview, 2020]. Все это означает, что количество людей, живущих за чертой бедности, может практически удвоиться и превысить 12 млн человек (около трети населения страны).

Провалились попытки построить легитимность нынешней власти на фундаменте «революционного прошлого»: борьбы за свободу иракского народа от тирании режима Саддама Хусейна. Разочарованную и потерявшую надежду на достойное будущее молодежь на улицах не интересует, какую роль тот или иной политик сыграл в борьбе с прежним режимом, который многие из протестующих даже не помнят. Дополнительным поводом для недовольства послужили политический конфессионализм и клановость, большая роль неформальных институтов и практик [Мамедов, Сапронова, 2021, с. 365].

Распределение нефтяной ренты могло бы обеспечить легитимность, но из-за коррупции и расхищения бюджетных средств в стране до сих не работают даже базовые коммунальные службы. Люди возмущены отсутствием электричества и питьевой воды [Шишлин, 2020, с. 214]. Причем в летние месяцы, когда температуры в Ираке превышают 50 градусов, отключения электричества (по вине несовершенной сети ЛЭП) означают прекращение работы кондиционеров в домах, что еще больше озлобляет граждан.

Как и в Алжире, в Ираке протестующие не хотят сотрудничать с существующими политическими партиями, поскольку все они рассматриваются как часть коррумпированной политической элиты. Протестное движение требует улучшить госуправление, обеспечить нормальное функционирование коммунальных служб, а главное – провести масштабную реформу политической системы.

Аналогично Алжиру протестное движение в Ираке никак не структурировано, т.е. у него нет руководства, которое могло бы вести переговоры с властями. Основная движущая сила протестов, как отмечалось выше, – городская молодежь. Символом борьбы за перемены стал лагерь на площади Тахрир в Багдаде, который побывавшие там западные наблюдатели описывали как совершенно нетипичное для Ближнего Востока публичное пространство с атмосферой молодежного рок-фестиваля. Протестующие возлагают большие надежды на местные структуры гражданского общества, однако пока необходимая для успешной смены власти контрэлита отсутствует. Характерно, что, как и в Алжире, протестующая молодежь не имеет общего видения будущего страны.

Для Ирака характерно наличие силовой составляющей в поведении властей. Политическая элита и государственная бюрократия Ирака не готовы идти на уступки и склонны полагаться на силу. Можно говорить о значительной роли военных и МВД, а также разнообразных вооруженных группировок, лояльных тем или иным политическим партиям. В отличие от Алжира в Ираке местные силовики не стесняются стрелять в участников протестов, что оборачивается сотнями убитых и раненых. Однако в Ираке с его преимущественно шиитским населением и присущим шиитам культом мучеников жертвы не устрашают, а лишь озлобляют протестующих. Кроме того, протестное движение поддержал даже великий аятолла Али Систани, призвавший к скорейшему проведению реформ, а также потребовавший от силовиков обеспечить безопасность мирных демонстрантов [Ibrahim, 2020].

Ситуация усугубляется заметным внешним вмешательством (которого практически нет в Алжире). Тегеран стремится сохранить влияние в Ираке, поскольку через него ведется торговля в обход санкций и осуществляется снабжение иранских прокси-группировок в Сирии и Ливане. Проиранские силы даже участвовали в разгоне протестов, что обернулось значительными жертвами среди демонстрантов и ответными погромами офисов проиранских партий и формирований.

Дополнительные проблемы для Ирака создала пандемия коронавируса, которая наложила на резкий спад нефтяных цен. Бюджет Ирака более чем на 90% формируется за счет доходов от экспорта энергоресурсов, при этом около 8 млн человек заняты в бюджетной сфере, т.е. благополучие почти четверти населения (без учета членов семей) напрямую зависит от государства. 2021 г. обещает быть очень тяжелым для иракской экономики, что делает новый всплеск протестной активности практически неизбежным уже в конце лета или в начале осени.

Сочетание этих факторов делает политический транзит в Ираке маловероятным, но в то же время там налицо сформировались условия для перманентной нестабильности и «революционной ситуации», когда верхи по-новому жить не могут, а низы по-старому жить не хотят. Все это создает риск если не новой гражданской войны, то новых масштабных столкновений, которые, впрочем, не дадут эффекта, пока у протестующих не появится объединяющая и руководящая структура.

СУДАН: ОБРАЗЦОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ ПРОГРЕССА

Алжир и Ирак – страны, где есть запрос обществ на демократический транзит, однако ему мешают различные факторы – в первую очередь наличие у правящих режимов поддержки со стороны армии или иных силовых структур. Для лучшего понимания особенностей второй волны демократизации в арабском мире целесообразно рассмотреть пример народной революции, достигшей своей цели. В этом смысле интересен и показателен кейс Судана.

Судан относительно благополучно пережил революционную волну 2011 г., а протесты 2013 г., в которых участвовали в основном студенты и образованная городская молодежь, были жестко подавлены. Однако причины недовольства населения никуда не исчезли: в стране наблюдался хронический экономический кризис, на периферии продолжались вооруженные конфликты (поглощавшие и без того скудные ресурсы государства), ощущалась острая потребность во внешней помощи и инвестициях (для их привлечения Судану было важно избавиться от статуса страны-спонсора терроризма). При этом к значительному ухудшению экономической ситуации привела сецессия в 2011 г. богатого нефтью Юга. Бюджет Судана лишился половины доходов, а инфляция достигла двузначных показателей.

Иначе говоря, в Судане имелся набор проблем, которые фигурировали и в двух предыдущих кейсах, – коррупция, неэффективность госаппарата, низкий уровень жизни населения и т.п. Непосредственным поводом для начала протестов в декабре 2018 г. стало более чем трехкратное повышение цен на некоторые продукты питания и товары повседневного спроса [Hassanaian, 2020, p. 218]. Недовольство подобного рода не ново для арабского мира, где население считает субсидируемые цены на продовольствие частью социального контракта. Однако дальше ситуация развивалась совсем не так, как в Алжире или Ираке.

Протесты, начавшись в декабре 2018 г., растянулись на несколько месяцев, в течение которых Омар аль-Башир постепенно терял былое влияние. В отличие от Алжира и Ирака от главы государства довольно быстро отвернулись спецслужбы и армия. На уходе аль-Башира сперва настаивала разведка NISS, а в апреле 2019 г. против президента выступили внутренние

войска – так называемые Силы быстрой поддержки (СБП), созданные на базе иррегулярных формирований джанджавид, а затем уже кадровые военные взяли власть в свои руки. Однако протесты продолжились, оппозиция сумела организовать всеобщую забастовку, и под давлением внешних сил хунта пошла на переговоры с оппозицией, завершившиеся формированием переходного правительства [Труевцев, 2020, с. 99]. Оппозиция хотела полной смены режима, но ей пришлось пойти на компромисс с силовиками, которые пожертвовали аль-Баширом.

Следует отметить, что в Судане гражданское общество сумело быстро самоорганизоваться и властям противостояло сплоченное протестное движение. Всего через две недели появилась зонтичная структура – оппозиционный альянс «Силы за свободу и перемены» (Forces of Freedom and Change, FFC). FFC объединил профессиональные ассоциации, различные организации гражданского общества, профсоюзы, политические партии и даже некоторые вооруженные группировки [Blanchard, 2019, p. 3]. Имело место массовое и эффективное забастовочное движение. Кроме того, по сравнению с акциями недовольства 2013 г. у протестов 2019 г. была более широкая социальная база – их поддерживали простые суданцы, живущие за пределами городов. Большую роль сыграли стихийно возникавшие «комитеты сопротивления» на местах [Bach et al., 2020, p. 28]. Протесты в Хартуме приветствовала даже часть элиты. Наблюдатели также отмечали беспрецедентно активное участие в протестах женщин [Hassanaian, 2020, p. 219].

Не стоит недооценивать влияние, которое оказали на революционные события в Судане внешние силы. Монархии Персидского залива (КСА, ОАЭ) и АРЕ поддерживали поначалу режим и лично аль-Башира, а затем военную хунту [Blanchard, 2019, p. 9], однако США, ЕС, Африканский союз и Эфиопия встали на сторону протестующих. Внешние силы пригрозили персональными санкциями тем политическим фигурам, которые будут мешать демократическому транзиту. Кроме того, оказывалось давление на те страны, которые финансово помогали режиму аль-Башира (КСА, ОАЭ, АРЕ). Тем самым удалось в значительной степени нейтрализовать силовиков. Таким образом, победу суданской революции принесло сочетание мощного, хорошо организованного протестного движения и активного вмешательства внешних сил.

По состоянию на конец 2020 г. в Судане продолжало действовать заключенное в июле 2019 г. соглашение о разделе власти между военными и гражданскими силами, которое позволило избежать масштабного кровопролития и дальнейшей эскалации напряженности. В стране сложилась гибридная система, сочетающая элементы военного и гражданского правления. Наблюдался хрупкий баланс между силовиками и гражданскими властями. Силовой лагерь включал: Переходный военный совет (ПВС), внутренние войска «Силы быстрой поддержки» (Rapid Support Forces, RSF), Суданские вооруженные силы (СВС), Национальную службу разведки и безопасности (NISS). Гражданский лагерь составляли альянс «Силы за свободу и перемены» (FFC), профсоюзы – «Суданская ассоциация профессионалов» (SPA), различные структуры гражданского общества.

Причем каждая из сторон столкнулась с ограничениями. Оппозиция рассчитывала добиться полной смены режима, но ей пришлось пойти на компромисс с армией и спецслужбами. В свою очередь, суданская военная элита хоть и сохранила свои позиции, однако вынуждена была согласиться на транзит, поскольку внешние силы (Африканский союз, ЕС, США) пригрозили персональными санкциями.

Впрочем, суданские политологи отмечали слабость гражданских властей, которые не могли влиять на события в стране. По словам некоторых гражданских активистов, в июле 2019 г. установлению военного правления помешала лишь жесткая позиция США. Отсутствие единства в рядах оппозиции [Safeguarding Sudan's Revolution, 2019, p. 19] в перспективе делает возможным захват власти военными, у которых по-прежнему большое влияние и значительные экономические ресурсы. Они, например, контролируют добычу

и экспорт золота, которое отчасти заменило собой нефть в качестве основного источника доходов для бюджета. Однако на руку гражданским властям оказалось наметившееся соперничество между различными силовыми структурами (армия конкурирует с Силами быстрой поддержки). Немаловажно, что спустя год после формирования правительства оно все еще пользовалось массовой поддержкой населения. Однако, по свидетельствам суданских активистов, процесс реформ шел медленно, особенно с точки зрения формирования новых государственных институтов. Ситуация осложнялась тем, что в Судане процесс изменений носил комплексный характер, поскольку одновременно с политическим транзитом шел мирный процесс в Дарфуре и предпринимались попытки обеспечить экономическое восстановление страны, доведенной за годы санкций до фактической разрухи.

На политический кризис наложилась очень сложная ситуация с продовольствием. По оценкам работающих в Судане сотрудников гуманитарных организаций, уже в 2019 г., т.е. до пандемии коронавируса, до 50% населения страны страдали от нехватки продуктов. Причем перебои со снабжением стали нормой даже в городах. В 2019 г. экономические трудности усугублялись в связи с высоким уровнем внешнего долга (около 50 млрд долл. США) и сохранявшимися международными санкциями (до декабря 2020 г. Судан оставался в американском списке стран-спонсоров международного терроризма), которые серьезно затрудняли предоставление помощи Хартуму по линии МВФ. Страна выживала за счет помощи от Саудовской Аравии и ОАЭ.

В целом кейс Судана показывает, что мощное протестное движение, пользующееся внешней поддержкой, способно осуществить народную революцию даже против режима с мощной силовой составляющей. Однако это еще не гарантия успешного демократического транзита. Заключение летом 2019 г. формального соглашения между суданскими военными и оппозицией позволило избежать кровопролития, но созданное в соответствии с договоренностями гражданское правительство оказалось слишком слабым, чтобы в сжатые сроки добиться реальных демократических перемен.

По свидетельствам наблюдателей, к весне 2021 г. ситуация с правами человека не улучшилась, о чем говорит большое количество внесудебных арестов. Так и не был создан парламент, который мог бы контролировать политику правительства и обсуждать проекты реформ. Ни молодежь, ни женщины не получили представительства во властных органах и не влияли на процесс транзита. Среди населения наблюдалось разочарование результатами революции. Было распространено мнение, что революцию украли партии и вернувшиеся политэмигранты. Экономическая ситуация в стране стала хуже, чем при аль-Башире. После введения плавающего курса суданский фунт рухнул, возник дефицит топлива и хлеба. По словам суданских собеседников автора, аль-Башир был коррумпирован, но хотя бы кормил народ, а новые власти страны умеют только воровать.

В ближайшей перспективе напряженность в Судане будет расти из-за экономических проблем и перебоев с продовольствием. Военные, которые пользуются поддержкой КСА и ОАЭ, продолжают играть основную роль в политике, а единственным реальным сдерживающим фактором для них останется давление со стороны западных стран. Высока вероятность, что армия возьмет власть в свои руки, поскольку население устало от хаоса и перестало доверять переходным властям.

УРОКИ ВТОРОЙ ВОЛНЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Изучение опыта массовых протестов в Алжире, Ираке и Судане показало, что арабские страны, за исключением монархий Персидского залива, продолжают сталкиваться с примерно одинаковым набором социально-экономических проблем, а при наличии значитель-

ной доли молодого и пассионарного населения это практически гарантировано приводит к массовым выступлениям и требованиям демонтажа существующих режимов.

Однако результаты этих кризисов отличаются от итогов первой волны арабских протестов. Ни в Алжире, ни в Ираке протестующим не удалось добиться заявленных целей – смены режимов и отстранения от власти старых политических элит. Как представляется, это связано в первую очередь с «рыхлостью» протестных движений, которые при всей массовости остаются плохо организованными, не могут предложить конструктивную программу преобразований или сформировать контрэлиту. Поэтому даже в Алжире, где местные силовики на низовом уровне сочувствуют демонстрантам, протестное движение после двух лет борьбы продолжало топтаться на месте. Схожим образом развивались события в Ираке. Зато разительно отличалась ситуация в Судане, где оппозиция сумела оперативно самоорганизоваться, мобилизовав на борьбу с режимом не только городскую молодежь, но также профсоюзы и сельских жителей.

Дополнительную прочность режимам придала лояльность военных и гражданских элит и силовых структур. В результате революции в Алжире и Ираке свелись к избавлению от лидеров, назначенных «козлами отпущения», и замене их на практически таких же деятелей из числа представителей элиты. Более того, налицо стремление успокоить население за счет косметической демократизации (перестановок в правительстве, изменений в конституции и т.п.).

Единственной страной, где старая элита была вынуждена поступиться частью власти, стал Судан. И тут необходимо указать на третий фактор, влияющий на исход революций, – внешнее воздействие. Ни в Алжире, ни в Ираке протестные движения не получили сколько-нибудь весомой поддержки извне, зато в случае Судана именно внешнее давление (в сочетании с внутренним) сперва сподвигло силовиков отстранить от власти президента аль-Башира, из которого тоже рассчитывали сделать «козла отпущения», а затем вынудило их самих поделиться властью с гражданскими политиками.

Поскольку предпосылки для протестной активности никуда не исчезли, а даже усугубились из-за пандемии, следует ожидать сохранения внутренней напряженности в Алжире, Ираке и ряде других стран БВСА. Процесс трансформации стран региона с высокой степенью вероятности растянется на 30–40 лет. В настоящее время продолжается его начальная фаза. Пока в большинстве арабских государств нет сил, способных конкурировать с авторитарными режимами, поскольку для их появления требуются время и ресурсы. Нет и четкого понимания, как должен выглядеть новый арабский мир. Режимы держатся за счет доходов от нефти и репрессий, однако оба эти инструмента теряют эффективность. Параллельно оппозиционные силы накапливают опыт и учатся на ошибках, поэтому в перспективе следует ожидать мобилизации обществ, чему будет способствовать развитие цифровых технологий. Агентами изменения выступают интеллектуалы и молодежь. При этом своеобразными маркерами возможного успеха/неуспеха революций остаются отношение силовиков, состояние гражданского общества, позиция элит и готовность внешних сил к вмешательству. Изменения даже по одному из этих пунктов могут привести к серьезным подвижкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бабкин С.Э. *Алжир: выстояла ли «система»? (к событиям 2019 г.)*. М.: Институт востоковедения РАН, 2020 [Babkin S.E. *Algeria: did the System Survive? (the Events of 2019)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020 (in Russian)].

Володина М.А. Модернизация в Северной Африке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 4. С. 78–86 [Volodina M. Modernization in North Africa. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63. No. 4. Pp. 78–86 (in Russian)].

Жерлицына Н.А. Кризис преемственности в Алжире. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 6. С. 19–23 [Zherlitsyna N.A. The Succession Crisis in Algeria. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 6. Pp. 19–23 (in Russian)].

Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2018. № 3. С. 6–23 [Kuznetsov V.A. Strengthening of Statehood in the Middle East in the Context of the Theory of Social Orders. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 3. Pp. 6–23 (in Russian)].

Мамедов Р.Ш., Сапронова М.А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты. *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 357–370 [Mamedov R.S. Features of the Political Development of Iraq in 2003–2020: the Formation of a New Elite. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 1. Pp. 357–370 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 13(5). С. 194–219 [Meliantsev V.A. Long-term Trends in the Socio-Economic Development of Arab Countries. *MGIMO Review of International Relations*. 2020. No. 13(5). Pp. 194–219. (in Russian)].

Сурков Н.Ю. Уроки «арабской демократизации» в Северной Африке. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2019. № 2(124). С. 28–37 [Surkov N.Y. Lessons from the Arab Democratization in North Africa. *NZ. Debates about Politics and Culture*. 2019. No. 2(124). Pp. 28–37 (in Russian)].

Труевцев К.М. Поворот 2019: продолжение Арабской весны или начало новой парадигмы политического развития? *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2020. № 2. С. 96–105 [Truevtsev K.M. 2019 Turn: The New Stage of the Arab Spring or Start of the New Paradigm of Political Development? *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 96–105 (in Russian)].

Шишлин П.А. Причины и перспективы протестного движения в Ираке 2015–2019 гг. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 2. С. 209–218 [Shishlin P.A. Reasons and Prospects of the Protest Movement in Iraq 2015–2019. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2020. No. 2. Pp. 209–218 (in Russian)].

Algerian referendum looms amid mass protests, political upheaval. *Daily Sabah* <https://www.dailysabah.com/world/africa/algerian-referendum-looms-amid-mass-protests-political-upheaval> (accessed: 17.10.2020).

Bach J-N., Chevrillon-Guibert R., Franck A. Introduction to the Topic. Sudan, the End of an Authoritarian Experience? 2020. *Politique Africaine*. No. 158(2). Pp. 5–31.

Blanchard L.P. Sudan's uncertain transition. *Congressional Research Service* <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45794> (accessed: 23.02.2021).

Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$). *Worldbank* <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=DZ> (accessed: 17.10.2020).

Ghanmi L. Algeria's foreign currency reserves shrink despite rising oil revenues. *The Arab Weekly*. December, 2018 <https://the arabweekly.com/algerias-foreign-currency-reserves-shrink-despite-rising-oil-revenues> (accessed: 22.11.2020).

Grewal Sh., Kilavuz M.T., Kubinec R. Algeria's uprising: A survey of protesters and the military. *Brookings*. July, 2019 https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/07/FP_20190711_algeria.pdf (accessed: 18.09.2020).

Hassanaian M. Protest and Transition in Sudan. *Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 73. No. 2. Pp. 217–224.

Iraq Overview. *Worldbank* <https://www.worldbank.org/en/country/iraq/overview> (accessed: 20.12.2020).

Ibrahim A. 'Hopeful again': Iraqi protesters hail Ayatollah Sistani's speech. *Al Jazeera* <https://www.aljazeera.com/news/2020/2/7/hopeful-again-iraqi-protesters-hail-ayatollah-sistanis-speech> (accessed: 14.12.2020).

Loveluck L., Salim M. Iraq's economy is collapsing under the double blow of sinking oil prices and coronavirus lockdown. *The Washington Post*. May, 2020 https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/iraqs-economy-is-collapsing-under-the-double-blow-of-sinking-oil-prices-and-coronavirus-lockdown/2020/05/04/61b26a3e-8897-11ea-80df-d24b35a568ae_story.html (accessed: 14.12.2020).

Nickels B.P. Algeria Has a Legitimacy Problem. *LSE's Middle East Centre Blog* <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2019/05/20/algeria-has-a-legitimacy-problem/> (accessed: 18.10.2020).

Philipp P., Kimball S. Powerful military makes regime change in Algeria unlikely. *DW* <https://p.dw.com/p/10H2A> (accessed: 31.03.2019).

Safeguarding Sudan's Revolution. *CrisisGroup*. 21 October, 2019 <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/sudan/281-safeguarding-sudans-revolution> (accessed: 23.10.2020).

Turnout at record low in Algerian referendum aimed at giving parliament more power. *France24* <https://www.france24.com/en/africa/20201101-algeria-votes-on-revised-constitution-aimed-at-giving-parliament-more-power> (accessed: 21.11.2020).

Unemployment, youth total (% of total labor force ages 15-24) (modeled ILO estimate). *Worldbank*. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.ZS?locations=IQ> (accessed: 27.11.2020).

Volk T. 10 Years after the Arab Uprisings: Where does Public Opinion in the Region Stand Today? *Konrad Adenauer Foundation (KAS PolDiMed)* <https://www.kas.de/en/single-title/-/content/10-years-after-the-arab-uprisings-where-does-public-opinion-in-the-region-stand-today-2> (accessed: 28.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРКОВ Николай Юрьевич –
кандидат политических наук, старший
научный сотрудник Центра ближневосточных
исследований ИМЭМО РАН, Москва, Россия.

Nikolay Y. SURKOV, PhD (Political Science),
Senior Research Fellow, Center for Middle East
Studies, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.